

А. В. Шестаков как ведущий критик исторической концепции М. Н. Покровского во второй половине 1930-х гг.

Н. В. Тихомиров

старший преподаватель кафедры философии и социально-гуманитарных наук,
Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии –
МБА им. К. И. Скрябина. E-mail: tihomirov_n@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена коренной перестройке концепции русской истории, имевшей место во второй половине 1930-х гг. Выбор данного периода обусловлен тем, что именно в это время обществом историков были заложены теоретические основы новой марксистской концепции отечественной истории, предопределившие содержание научных и учебно-методических трудов на полтора будущих десятилетия (время господства «сталинской» модели историографии). В центре рассмотрения находится научная, методическая и общественно-публицистическая деятельность А. В. Шестакова. Автор показывает, что именно этот ученый сыграл ведущую роль в обеспечении теоретико-методологического поворота второй половины 1930-х гг. Основное внимание сосредоточено на критике Шестаковым научных воззрений М. Н. Покровского – создателя первой марксистской концепции отечественной истории в начале 1920-х гг. Анализируются характер и содержание публичных выступлений Шестакова, направленных на дискредитацию воззрений оппонента, а также его последователей. Показаны основные тенденции научной критики рассматриваемого периода, характерные особенности академического дискурса. В качестве источниковой основы работы использованы документальные материалы, сосредоточенные в фонде А. В. Шестакова архива Российской академии наук. Статья призвана углубить представления об особенностях развития отечественной исторической мысли и историографической обстановке в период сталинского руководства.

Ключевые слова: М. Н. Покровский, А. В. Шестаков, историческая концепция, научная школа, преподавание истории в СССР, марксизм-ленинизм, исторический материализм.

Цель статьи – исследовать вклад профессора А. В. Шестакова в дело публичной дискредитации научных воззрений и общественно-политической деятельности М. Н. Покровского. Задачи, решаемые для достижения поставленной цели: 1) установить цели и особенности критики наследия М. Н. Покровского со стороны А. В. Шестакова; 2) определить место и роль Шестакова в деле ревизии прежней исторической концепции.

1930-е гг. явились переломными для отечественной исторической науки. В это время происходила перестройка коренных положений и подходов в работе историков, закладывался фундамент новой концепции отечественной истории. Данные процессы ознаменовались острым конфликтом двух научных направлений, олицетворением которых явились два крупных советских ученых – М. Н. Покровский и А. В. Шестаков.

М. Н. Покровский – историк и организатор науки, стоявший у истоков марксистской историографии, складывавшейся в первое десятилетие советской власти в стране. Его сочинение «Россия с древнейших времен» стало первой учебной книгой по истории в 1920-е гг. и оставалось таковым до второй половины 1930-х гг. Именно М. Н. Покровский стал создателем первой марксистской концепции российской истории.

А. В. Шестаков – ученик и один из главных оппонентов Покровского (уже после кончины ученого). В середине 1930-х гг. Шестаков выступил рупором борьбы с исторической концепцией Покровского, став проводником новой историографической парадигмы. Ее ключевые положения были воплощены в первом стабильном учебнике по истории СССР для начальной школы (1937), подготовленном авторским коллективом под руководством Шестакова. Контуры новой концепции, заложенные названным изданием, явились ориентиром для сообщества историков на протяжении следующих десятилетий.

Сегодня, в первой четверти XXI столетия, мы живем в условиях продолжающейся борьбы исторических концепций, подходов к оценке и осмыслению национального прошлого. В этой связи обращение к событиям без малого вековой давности представляет значительный интерес. В данной статье мы исследуем идейно-теоретическую составляющую борьбы двух

исторических концепций во второй половине 1930-х гг., а также характер участия в этой борьбе А. В. Шестакова – соавтора и одного из ведущих идеологов исторической концепции, сформировавшейся в период сталинского правления. Анализ его публичных выступлений позволит лучше понять особенности историографической ситуации данного периода, углубить представления о принципах и внутренней логике развития отечественной историографии.

Господство в исторической науке СССР концептуальных положений Покровского продолжалось до середины 1930 гг. Его фундаментальные труды «История России с древнейших времен» и «История России в самом сжатом очерке» служили, по сути, единственными учебными пособиями по отечественной истории [10, с. 13]. Критика, исходившая от представителей научного сообщества, не нарушала фактически монопольного положения теоретической схемы Покровского в сфере исторического образования и просвещения. Существенные перемены в системе научного знания наметились вследствие правительственных инициатив, направленных к основательному пересмотру принципов и подходов к преподаванию истории [2, с. 169]. Ряд постановлений ЦК ВКП(б) и Совнаркома запустили процесс коренных изменений в организации и содержательном наполнении исторического образования на всех ступенях [11, с. 105]. Эти мероприятия стали прологом к созданию системы теоретических положений, воплотившихся в итоге в советской моноконцепции отечественной истории [12, с. 104]. Судьбоносным событием для исторической науки стало создание первого стабильного учебника по истории СССР, разработанного группой специалистов МГПИ под руководством А. В. Шестакова в 1937 г.

В разгар подготовки конспекта будущего учебника Шестаков выступил со статьей «Преподавание истории СССР на новом этапе» (1936). В ней он указывал, что «всем историкам СССР – ученикам Покровского (к ним принадлежит и пишущий эти строки) необходимо пересмотреть свои работы, написанные до сего времени с тем, чтобы тщательно выправить имеющиеся в них ошибки, связанные с антинаучными взглядами на историческую науку и концепциями Покровского по отдельным вопросам истории СССР» [1, ф. 638, оп. 1, д. 186, л. 7].

Примечательно, что сам Шестаков называл себя принадлежащим школе Покровского [1, ф. 638, оп. 1, д. 385, л. 8] и долгое время придерживался идей своего учителя [7, с. 403]. Влияние концепции торгового капитала отчетливо прослеживается в лекциях Шестакова первой половины 1930-х гг. Так, в докладе 1934 г., посвященном колониальным отношениям в Поволжье в конце XV – начале XVIII вв., он подчеркнул ведущую роль торгового капитала в этом процессе [1, ф. 638, оп. 1, д. 139, л. 11]. В лекции 1936 г. ученый прибегнул к прямым цитатам Покровского для подкрепления высказанных положений о хищнической экспансии русских в поволжские земли [1, ф. 638, оп. 1, д. 229, л. 3]. Кроме того, сочинение Покровского «Русская история с древнейших времен» приводилось Шестаковым в перечне рекомендованной литературы по вопросам истории народов СССР [1, ф. 638, оп. 1, д. 138, л. 6]. Отсылки к опальному историку окончательно прекращаются к исходу 1930-х гг.

После официального одобрения и публикации школьного учебника по истории СССР (1937) Шестаков сделался фактически передовым борцом за новую линию в исторической науке, ведущим транслятором господствующих положений «сталинской» концепции отечественной истории. Соответственно, теперь он являлся и одним из наиболее активных публичных критиков ниспровергнутой концепции Покровского. Данная критика, в свою очередь, была обусловлена вполне практическими соображениями. Появление нового учебника было необходимым, но не достаточным основанием для коренной перестройки отечественной исторической науки: требовалась масштабная переподготовка научных и педагогических кадров, большинство которых были воспитаны на положениях концепции Покровского. Решение столь крупной задачи было невозможно административными методами государственной системы – требовалась идейная и теоретическая перестройка научно-педагогического сообщества. Одним из вдохновителей и организаторов такой перестройки и стал Шестаков. Профессор ведущего педагогического вуза, руководивший созданием первого стабильного учебника по истории СССР, прекрасно подходил на эту роль.

В конце 1930-х гг. Шестаков вошел в состав редколлегии фундаментального академического сборника статей ведущих историков, направленных против концепции Покровского [4; 5]. Это издание стало апогеем борьбы с наследием ученого и его школы. Но уже до его появления дискредитация научных трудов Покровского деятельно велась в научном и преподавательском сообществах. Критика концепции опального историка была в обязательном порядке включена в структуру вузовских рабочих программ по курсу отечественной истории.

В частности, соответствующие послы содержала программа курса лекций по истории СССР для истфака МГПИ от 1937 г. Во вводной лекции предполагалось освещение «ошибок исторической схемы Покровского и его школы» [1, ф. 638, оп. 2, д. 49, л. 52а]. Лекция, посвященная Владимиро-Суздальским землям, содержала «критику взглядов Покровского о славянах и народах междуречья (Оки, Волги и Камы. – Н. Т.)» [1, ф. 638, оп. 2, д. 49, л. 63]. В лекции, повествующей о феодальных отношениях в Московском княжестве, раскрывалась «ошибочность теории торгового капитализма Покровского» [1, ф. 638, оп. 2, д. 49, л. 76] и т. д.

Существенное изменение фразеологии прослеживается в проекте программы по истории СССР, подготовленном Шестаковым для истфаков в 1938 г. Во вводном разделе предполагалось раскрытие «ликвидаторской сути антиисторической концепции М. Н. Покровского» [1, ф. 638, оп. 2, д. 63, л. 66]. Здесь же находим симптоматичное упоминание о вредительстве врагов народа на историческом фронте [1, ф. 638, оп. 2, д. 63, л. 66]. В лекции, посвященной правлению Ивана IV, автор предусмотрел «опровержение антимарксистской теории Покровского о торговом капитализме как основе самодержавия» [1, ф. 638, оп. 2, д. 63, л. 98].

Заметно усиление от года к году обличительных инвектив против Покровского, переход от критики к откровенным обвинениям в ортодоксально-идеологическом ключе. Если в 1937 г. Шестаков еще сдержанно говорил об ошибках оппонента, то позже изобличал его как практически врага единственно верной марксистской методологии. Показательно, что среди рекомендуемой литературы в программе курса за 1937 г. представлены ключевые труды Покровского [1, ф. 638, оп. 2, д. 49, л. 62–90]. В последующие годы об этом не могло быть и речи.

В указанное время Шестаков также проявлял активность на ниве создания учебника по истории СССР для педвузов. В докладной записке директору МГПИ от 1937 г. он указывал: «Курс “Русской истории с древнейших времен” М. Н. Покровского также (как дореволюционные. – Н. Т.) неудовлетворителен вследствие антимарксистских, антиленинских установок автора, по существу ликвидирующих историю как науку» [1, ф. 638, оп. 2, д. 108, л. 1]. В 1939 г. «на основе записей лекций, прочитанных в МГПИ, с учетом опыта лекций в других вузах» [1, ф. 638, оп. 1, д. 7, л. 4] Шестаковым было подготовлено учебное пособие по истории СССР для высших учебных заведений. Особое место в нем было уделено критике воззрений Покровского. Отнюдь не все разделы пособия были сопровождаемы критическим комментарием по поводу соответствующих взглядов оппонента. Весьма показательны в этой связи замечания, относящиеся к теме складывания Русского государства в XV–XVI вв. В структуру пособия Шестаковым был включен подзаголовок «М. Н. Покровский об Иване IV и его деятельности» [1, ф. 638, оп. 1, д. 3, л. 260]. Ключевое нарекание состояло в том, что «Покровский не понял, что создание централизованного государства являлось для того времени прогрессивным» [1, ф. 638, оп. 1, д. 3, л. 261].

Такой уклон в критике свойственен историографии рассматриваемого времени. К исходу 1930-х гг. и во многом с подачи И. В. Сталина идея державности вернулась в число ключевых ценностей, постулируемых исторической наукой. Потому трактовка одного из центральных событий отечественной истории, связанного с утверждением национальной государственности, стало безусловным индикатором соответствия исторической теории господствующей системе научных воззрений.

После выхода в свет учебника по истории для начальной школы (1937) Шестаков регулярно выступал с лекциями, в которых подвергал подробному разбору концепцию Покровского, показывая допущенные автором ошибки и отклонения от марксистско-ленинской методологии. Обстоятельная и систематизированная критика взглядов оппонента была представлена Шестаковым в курсе лекций под общим названием «Искажение истории СССР у М. Н. Покровского и его школы» [1, ф. 638, оп. 1, д. 383, л. 1]. Одной из головных задач автора было показать несоответствие критикуемой концепции новым теоретическим основам исторической науки.

В лекции, прочитанной в июле 1937 г. и посвященной методологическим установкам Покровского, Шестаков сделал особый упор на то, что источником научных воззрений оппонента явился «так называемый легальный марксизм», который был «тем суррогатом, который в конечном счете много испортил, много натворил в миросозерцании» Покровского [1, ф. 638, оп. 1, д. 383, л. 7]. Следствием увлеченности названным направлением стало восприятие Покровским теории экономического материализма. По наблюдению Шестакова, тот начал как экономический материалист и закончил как экономический материалист. «В этом, – подытоживал ученый, – огромная порочность его исторической методологии» [1, ф. 638, оп. 1, д. 383, л. 8].

В другой лекции, прочитанной тогда же, Шестаков раскритиковал подход Покровского к исторической науке как таковой. Покровский, по утверждению автора, «подошел к истории не как историк, а как политик», что привело к фактическому изгнанию истории из системы образования [1, ф. 638, оп. 1, д. 385, л. 6]. Другим серьезным обвинением стало непозволительно вольное обращение Покровского с историческим материалом: не давал последовательного хода событий; строил концепцию лишь на отдельных фактах, стремился «так подобрать материал, чтобы выхолостить краски истории», сведя весь исторический процесс «к основному – к экономике» [1, ф. 638, оп. 1, д. 385, л. 1–7].

Еще одна лекция – «О курсе истории России М. Н. Покровского» – была посвящена разбору конкретных положений его исторической концепции [1, ф. 638, оп. 1, д. 382]. Особого внимания докладчика заслужили «гнусные выпады против русского народа» [1, ф. 638, оп. 1, д. 382, л. 13], содержащиеся в трудах Покровского. Борьба с огульной хулой на великороссов стала общим местом критических публикаций, начиная с конца 1930-х гг. Наряду с этим укреплялась концепция великого русского народа как старшего брата в семье народов СССР. Уничижительные характеристики великороссов, содержащиеся в сочинениях Покровского, делались неуместным и вредным анахронизмом.

Важным обстоятельством явилось то, что борьба велась не только с взглядами самого Покровского, но и с их преломлением в работах других историков, для собирательного именования которых было использовано понятие «школа Покровского». Такой подход не случаен: на идеях опального историка было воспитано целое поколение молодых ученых. А внедрение новой парадигмы исторической науки требовало массовой теоретической перековки научных и педагогических кадров либо их безжалостного изобличения и ostracism. Стигматизация последователей Покровского стала приметой второй половины 1930-х гг. Говоря об этой группе ученых, Шестаков использовал весьма жесткие формулировки. «Оказалось, – заявлял он, – что ряд авторов учебников были врагами народа, вредителями на историческом фронте». Руководитель бригады по составлению учебника историк Ванаг и «его коллега – другой историк Пионтковский» без обиняков названы Шестаковым «агентами бандита Троцкого» [1, ф. 638, оп. 1, д. 43, л. 11].

Как мощный противовес «антимарксистским, антиленинским» [1, ф. 638, оп. 1, д. 385, л. 18] установкам Шестаков заявлял теоретическую схему, представленную в школьном учебнике, вышедшем под его редакцией. «Такая схема истории, – утверждал ученый, – не похожа на схему Покровского, и таким образом, на основе этой схемы вы можете правильно ориентироваться сами и дать правильную критику всем подходам и расположениям исторического материала в работах Покровского» [1, ф. 638, оп. 1, д. 385, л. 28].

Столь категоричное заявление не было формой бахвальства. Шестаков, безусловно, сознавал, что, как ведущий соавтор и руководитель авторского коллектива, в значительной мере является проводником идейно-теоретических посылов, исходивших непосредственно от высшего политического руководства. Руководителем советской исторической науки в это время фактически был провозглашен И. В. Сталин. По наблюдению В. В. Тихонова, после смерти Покровского именно он занял «пустующую нишу главного специалиста по истории» [9, с. 66].

Таким образом, Шестаков представлял себя по отношению к собственному учебнику как скромного технического исполнителя. Тогда как «все то, что в нем есть ценного, все то, что в нем есть исторически верного, и сам по себе этот учебник во всей его концепции, – все это должно быть отнесено, прежде всего, к заслугам ЦК нашей партии, к заслугам правительственной комиссии, а вовсе не к его редакции» [1, ф. 638, оп. 1, д. 384, л. 44].

Несмотря на такое этикетное принижение своей роли в складывании новой исторической концепции, Шестаков, по сути, выдвинулся на передний край борьбы за утверждение нового взгляда на отечественную историю, став одновременно ведущим критиком взглядов Покровского и его школы.

Говоря в 1937 г. о прижизненной оппозиции Покровскому, Шестаков отмечал: «Критика, которая исходила от учеников Покровского, была робкой, неуверенной» [1, ф. 638, оп. 1, д. 43, л. 9]. Годом позже ту же мысль в одном из выступлений озвучил И. И. Минц: «При жизни Покровского мы говорили, но, увы, мы говорили не с тех позиций, с каких надо было». Главным изъяном, по мнению ученого, было то, что «никто из нас не выступал против схемы. Тут была инициатива ЦК нашей партии и, прежде всего, товарища Сталина. Естественно, что у нас самих как вышедших из этой школы не хватало достаточной подготовки» [1, ф. 2019, оп. 1, д. 13, л. 25об.]. В этой оценке проявилась устойчивая тенденция рассматриваемой эпохи: за-

ведомо принижать профессиональные возможности историков перед теоретическим гением советского руководителя.

Вслед за ниспровержением теоретических выводов Покровского нивелировалась также его организаторская деятельность. Так, работу учрежденного Покровским Института красной профессуры Шестаков в 1937 г. охарактеризовал как «игру в историю» вместо работы по развитию исторической науки и подготовке квалифицированных кадров [1, ф. 638, оп. 1, д. 385, л. 10]. Столь же пренебрежительно ученый оценивал наследие другого детища Покровского – Общества историков-марксистов: «Здесь было больше болтовни, чем серьезной научной работы» [1, ф. 638, оп. 1, д. 385, л. 11].

Критика научного наследия Покровского в целом воспроизводила полемические формы, успешно отработанные в публичном дискурсе начала 1930-х гг. Ярким примером подобного обличительства стала дискуссия по поводу исторических работ Е. В. Тарле и С. Ф. Платонова. Ее материалы были опубликованы в 1931 г. под заглавием «Классовый враг на историческом фронте». В основу издания легли доклады М. М. Цвибака и Г. С. Зайделя, выступивших с резкой критикой ученых старой школы. Особое внимание авторы уделили социальным истокам воззрений оппонентов. По сути, это была попытка показать антиреволюционное и антимарксистское содержание трудов Тарле и Платонова через анализ генезиса их мировоззрения. Характерна формулировка Зайделя: «В утверждениях Тарле не просто, конечно, невежество, а классовое извращение фактов в угоду буржуазии. Весь его способ документации является классовым приемом, необходимым для того, чтобы скрыть ряд существенных моментов и защитить свою контрреволюционную концепцию. Мы имеем в лице Тарле полнейшую согласованность между политическим и научным вредительством» [3, с. 65].

Тот же подход узнается в публичных выступлениях Шестакова, направленных против Покровского и его последователей. Историк пользуется теми же инвективами, что его коллеги за шесть лет до того. В лекции от 2 июля 1937 г. он последовательно разобрал вехи творческого и политического пути Покровского, чтобы показать предпосылки его теоретического уклонения от марксистского понимания сути исторического процесса и содержания работы историка. Шестаков перечислил истоки мирозерцания Покровского, охарактеризовал его исторический метод и подходы к решению отдельных проблем [1, ф. 638, оп. 1, д. 385, л. 1–14]. Оценка деятельности оппонента была категорична: «Покровский ни в коей степени не подошел и не давал таких материалов, которые могли бы быть положены без изменения в сокровищницу науки» [1, ф. 638, оп. 1, д. 385, л. 16].

Шестаков признавал определенное влияние Покровского на формирование советской исторической школы. «Под его крылом выросли почти все наиболее известные в настоящее время историки нашего Союза», – отмечал ученый [1, ф. 638, оп. 1, д. 385, л. 8]. Однако в этих словах содержится лишь констатация объективных условий институционального становления молодой советской науки. Вклад Покровского в ее содержательное наполнение Шестаков оценивал резко отрицательно. В духе устоявшейся риторики подход ученого определялся им как «абсолютно ненаучный» [1, ф. 638, оп. 1, д. 385, л. 17], а теоретические установки были названы «антимарксистскими» [1, ф. 638, оп. 1, д. 385, л. 18].

Эту мысль годом позже в чуть более мягкой форме повторил И. И. Минц. Отвечая в ходе лекции на вопрос, есть ли что-либо ценного в учении Покровского, он признал: «Есть. Прежде всего, по поводу борьбы с буржуазной историографией. Неверно ставить вопрос так, что Покровский разгромил буржуазную историографию <...> в ряде вопросов боролся и внес кое-что» [1, ф. 2019, оп. 1, д. 13, л. 25]. Такая формулировка, впрочем, выглядит более как жест вежливости, нежели как действительное признание заслуг.

Как видно, целью публичной критики Покровского во второй половине 1930-х гг. была дискредитация не только созданной им исторической концепции, но и его самого – как историка, общественного и государственного деятеля. То же касалось учеников Покровского, не перестроившихся вовремя на новые теоретические основания. Однако, если за Покровским при всех нареканиях признавались объективные заслуги перед отечественной наукой, то его последователи не получали ни малейшего снисхождения. Их именовали контрреволюционерами, троцкистами, шпионами и диверсантами [1, ф. 638, оп. 1, д. 385, л. 24]. Аргументация, приводимая против них в академической среде, была зачастую «фундирована системой идейного официоза» [6, с. 67].

В этом процессе теоретического и морального истребления школы Покровского и его наследия в целом Шестаков исполнил одну из ведущих ролей. Почин перестройки системы

исторического образования, данный сталинским руководством, был подхвачен сообществом историков, которое подвело под него необходимый теоретический базис. Если административный натиск на концепцию Покровского возглавили руководители партийного аппарата, то внутри научного сообщества идейное лидерство определенно принадлежало Шестакову. Его критика взглядов и деятельности Покровского отчетливо показывает преимущество устоявшейся в академической среде традиции громить оппонентов, определенных как носители классово чуждых, противных марксистско-ленинскому учению научных воззрений.

Список литературы

1. Архив Российской академии наук (РАН).
2. Дубровский А. М. Власть и историческая мысль в СССР (1930–1950-е гг.). М.: РОССПЭН, 2017. 622 с.
3. Зайдель Г. С., Цвибак М. М. Классовый враг на историческом фронте. Тарле и Платонов и их школы. М.; Л.: Соцэкгиз, 1931. 232 с.
4. Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского / Ред. И. У. Будовниц. Ч. 2. М.; Л.: АН СССР, 1940. 506 с.
5. Против исторической концепции М. Н. Покровского / Отв. ред. А. Сидоров. Ч. 1. М.; Л.: АН СССР, 1939. 518 с.
6. Тихомиров Н. В. Идеино-политический аспект полемики вокруг исторической концепции М. Н. Покровского в 1930-е гг. // Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки. 2020. № 1. С. 64–72. DOI: 10.18384/2310-676X-2020-1-64-72.
7. Тихомиров Н. В. Отражение процесса централизации русского государства в школьных учебниках истории конца 1930-х – начала 1950-х гг. // Вестник МарГУ. Серия: Исторические науки. Юридические науки. 2020. Т. 6. № 4. С. 401–406. DOI: 10.30914/2411-3522-2020-6-4-401-406.
8. Тихомиров Н. В. Проблема возникновения централизованного русского государства в работах отечественных историков конца 1930-х – начала 1950-х гг. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 1. С. 78–87. DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-78-87.
9. Тихонов В. В. Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (середина 1940-х – 1953 г.). М.; СПб.: Нестор-История, 2016. 424 с.
10. Фукс А. Н. «Русская история в самом сжатом очерке» М. Н. Покровского как историографический источник // Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки. 2010. № 3. С. 13–21.
11. Фукс А. Н. Формирование советской моноконцепции отечественной истории и ее отражение в школьном учебнике А. В. Шестакова // Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки. 2009. № 2. С. 104–113.
12. Фукс А. Н. Школьные учебники по отечественной истории как историографический феномен (конец XVIII в. – вторая половина 1930-х гг.). М.: МГОУ, 2017. 420 с.

A. V. Shestakov as a leading critic of the historical concept of M. N. Pokrovsky in the second half of the 1930s.

N. V. Tihomirov

senior lecturer of the Department of Philosophy and Social and Humanitarian Sciences, Moscow State Academy of Veterinary Medicine and Biotechnology-Scriabin MBA. E-mail: tihomirov_n@rambler.ru

Annotation. The article is devoted to the radical restructuring of the concept of Russian history that took place in the second half of the 1930s. The choice of this period is due to the fact that it was at this time that the community of historians laid the theoretical foundations of a new Marxist concept of national history, which predetermined the content of scientific and educational works for the next decade and a half (the time of the domination of the "Stalinist" model of historiography). In the center of consideration is the scientific, methodological and socio-journalistic activity of A.V. Shestakov. The author shows that this scientist played a leading role in ensuring the theoretical and methodological turn of the second half of the 1930s. The main attention is focused on Shestakov's criticism of the scientific views of M. N. Pokrovsky, the creator of the first Marxist concept of Russian history in the early 1920s. The author analyzes the nature and content of Shestakov's public speeches aimed at discrediting the views of his opponent, as well as his followers. The main trends of scientific criticism of the period under review, the characteristic features of academic discourse are shown. As a source basis for the work, we used documentary materials collected in the A.V. Shestakov Fund of the Archive of the Russian Academy of Sciences. The article is intended to deepen the understanding of the peculiarities of the development of Russian historical thought and the historiographical situation during the period of Stalin's leadership.

Keywords: M. N. Pokrovsky, A.V. Shestakov, historical concept, scientific school, teaching of history in the USSR, Marxism-Leninism, historical materialism.

References

1. Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAS).
2. Dubrovskij A. M. *Vlast' i istoricheskaya mysl' v SSSR (1930–1950-e gg.)* [Power and historical thought in the USSR (1930–1950-ies)]. M. ROSSPEN. 2017. 622 p.
3. Zajdel' G. S., Cvibak M. M. *Klassovyj vrag na istoricheskom fronte. Tarle i Platonov i ih shkoly* [Class enemy on the historical front. Tarle and Platonov and their schools]. M.; L. Socekiz. 1931. 232 p.
4. *Protiv antimarksistskoj koncepcii M. N. Pokrovskogo* – Against the anti-Marxist concept of M. N. Pokrovsky / ed. by I. U. Budovnits. Pt. 2. M.; L. AS SSSR. 1940. 506 p.
5. *Protiv istoricheskoj koncepcii M. N. Pokrovskogo* – Against the historical concept of M. N. Pokrovsky / ed. by A. Sidorov. Pt. 1. M.; L. AS SSSR. 1939. 518 p.
6. Tihomirov N. V. *Idejno-politicheskij aspekt polemiki vokrug istoricheskoj koncepcii M. N. Pokrovskogo v 1930-e gg* [The ideological and political aspect of the polemics around the historical concept of M. N. Pokrovsky in the 1930s] // *Vestnik MGOU. Seriya: Istorija i politicheskie nauki* – Herald of Moscow State Regional University. Series: History and Political Science. 2020. No. 1. Pp. 64–72. DOI: 10.18384/2310-676X-2020-1-64-72.
7. Tihomirov N. V. *Otrazhenie processa centralizacii russkogo gosudarstva v shkol'nyh učebnikah istorii konca 1930-h – nachala 1950-h gg* [Reflection of the process of centralization of the Russian state in school history textbooks of the late 1930s–early 1950s] // *Vestnik MarGU. Seriya: Istoricheskie nauki. Yuridicheskie nauki* – Herald of MarSU. Series: Historical Sciences. Legal sciences. 2020. Vol. 6. No. 4. Pp. 401–406. DOI: 10.30914/2411-3522-2020-6-4-401-406.
8. Tihomirov N. V. *Problema vznikeniya centralizovannogo russkogo gosudarstva v rabotah otechestvennyh istorikov konca 1930-h – nachala 1950-h gg.* [The problem of the emergence of a centralized Russian state in the works of Russian historians of the late 1930s – early 1950s] // *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* – Herald of the Kemerovo State University. 2020. Vol. 22. No. 1. Pp. 78–87. DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-78-87.
9. Tihonov V. V. *Ideologicheskie kampanii "pozdnego stalinizma" i sovetskaya istoricheskaya nauka (seredina 1940-h – 1953 g.)* [Ideological campaigns of "late Stalinism" and Soviet historical science (mid-1940s–1953)]. M.; SPb. Nestor-Istoriya. 2016. 424 p.
10. Fuks A. N. *"Russkaya istoriya v samom szhatom očerke" M. N. Pokrovskogo kak istoriograficheskij istochnik* ["Russian history in the most concise essay" by M. N. Pokrovsky as a historiographical source] // *Vestnik MGOU. Seriya: Istorija i politicheskie nauki* – Herald of Moscow State Regional University. Series: History and Political Science. 2010. No. 3. Pp. 13–21.
11. Fuks A. N. *Formirovanie sovetskoj monokoncepcii otechestvennoj istorii i ee otrazhenie v shkol'nom učebnike A. V. Shestakova* [Formation of the Soviet monoconception of national history and its reflection in the school textbook of A.V. Shestakov] // *Vestnik MGOU. Seriya: Istorija i politicheskie nauki* – Herald of the Moscow State University. Series: History and Political Science. 2009. No. 2. Pp. 104–113.
12. Fuks A. N. *Shkol'nye učebniki po otechestvennoj istorii kak istoriograficheskij fenomen (koniec XVIII v. – vtoraya polovina 1930-h gg.)* [School textbooks on Russian history as a historiographic phenomenon (the end of the XVIII century – the second half of the 1930s)]. M. Moscow State Regional University. 2017. 420 p.